

В ряде государств бытует мнение, что в результате присоединения к Советскому Союзу Западной Украины и стран Балтии границы СССР стали более доступными для Гитлера и, соответственно, обороноспособность страны значительно снизилась. Так ли это? Давайте разберемся.

Конечно, с одной стороны, перемещение границ в 1939 году не могло не сыграть свою роль. Ведь менее чем за два года — к моменту нападения фашистской Германии — подготовить надлежащим образом столь протяженный участок границы было вряд ли возможно. Хотя на строительство укрепленных районов на новой границе направлялись значительные средства. С другой стороны, вторжение немцев через советско-польскую границу в том виде, в каком она была до сентября 1939 года, имело бы куда более фатальные последствия. Фашисты заняли бы Минск не 29 июня, а гораздо раньше — всего через несколько часов. Но поскольку граница отодвинулась, на прохождение этой территории захватчикам потребовалось время. Кроме того, фашистов сдерживали героически сражавшиеся пограничники. Вопреки навязываемому сегодня мнению о тотальном отступлении советских войск в этих местах шли ожесточенные бои.

Таким образом, присоединение Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики накануне

войны явно свидетельствует о геополитических планах И. В. Сталина, который стремился заново выйти к Балтийскому морю. Как считает доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН В. А. Невежин, в 1939 году Сталин думал об оборонительной значимости новых границ.

Подписанный на 10 лет Договор о ненападении, а также тот факт, что Германии будет сложно воевать на два фронта против Союза и Англии с Францией (как это показала Первая мировая), давали Сталину основания верить, что Гитлер все-таки не нападет. Хотя любое соглашение с противником для фюрера ничего не значило: это продемонстрировал и «мюнхенский сговор», и договор с Польшей. Однако СССР мог рассчитывать по крайней мере на то, что немцы вначале разберутся с Великобританией. А после этого произойдет то, что европейская печать впоследствии назовет столкновением миров.

Пока мы не можем знать всего, в частности потому, что многие материалы британских архивов по-прежнему засекречены. Но как считает В. А. Невежин, не исключался и вариант, что между Англией и Германией будет достигнут какой-то консенсус невоенным путем. Сегодня на тот же полет Гесса

в мае 1941 года в Англию существуют различные точки зрения. В том числе такая, что он рассматривался как способ достижения мирного соглашения между Великобританией и Германией. И это создавало бы двойную опасность для СССР.

Поэтому постепенно мощь Красной армии наращивалась. С начала 1941 года активно формировались новые воинские подразделения, а после подписания договора с Японией в апреле 1941 года началась переброска частей на Запад.

И в связи с этим нельзя обойти вниманием вопрос о том, когда же в СССР окончательно перешли рубеж и перестали педалировать тему дружбы с Германией. Здесь, несомненно, важен такой аспект, как пропаганда. Ведь недаром говорят, что войну выигрывает не только винтовка, но еще и перо. В последнее время нередко звучат мнения, что Сталин был довольно наивным человеком и вся пропаганда Советского Союза начиная с 1939 года диаметрально поменялась. Раньше, дескать, все было понятно: гитлеровская Германия — враг номер один. Потом, в 1939 году, был подписан пакт Молотова — Риббентропа, и вдруг вектор пропаганды стал разворачиваться.

Историк В. А. Невежин, подробно изучавший данную тему и защитивший докторскую диссертацию

по теме «Идеологическая подготовка к войне и состояние советской пропаганды во второй половине 1930-х годов и начале 1940-х годов», говорит об этом так: «Когда был подписан Пакт о ненападении с Германией, и особенно когда был подписан и опубликован в центральных советских газетах Договор о дружбе и границе, официальная пропаганда должна была показать германскому руководству, что антифашистская составляющая пропаганды у нас как бы ушла на второй план». То есть в качестве временной уступки общество ставили перед фактом, что нацистская идеология существует и это следует воспринимать как должное. Это было понятно в том числе из соответствующего выступления В. М. Молотова на сессии Верховного Совета в августе 1939 года. Об этом же свидетельствовал тон публикаций в прессе. Из репертуаров театров были исключены спектакли антифашистского характера и сняты с проката кинофильмы, имевшие хотя бы намек на антигерманское содержание.

Иными словами, с помощью цензуры советская сторона демонстрировала Гитлеру миролюбие, несмотря на то, что в Германии ситуация коренным образом не менялась.

Все это, конечно, не касалось военной сферы: политическая работа в военных кругах велась сообразно со складывающейся обстановкой.

Также параллельной идеологической подготовкой на случай, если дело все-таки дойдет до войны, занимался ряд государственных органов — от Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) до Главлита. И по крайней мере с весны 1941 года эта работа активизировалась. Ближе к маю-июню пропаганда перестроилась и вновь приобрела антинацистское звучание: всяческие материалы о дружбе с Германией исчезают со страниц газет.

В этой связи уместно упомянуть 40-минутное выступление Сталина перед выпуском слушателей академий Красной армии, которое состоялось 5 мая 1941 года в Кремле. (Кстати, вести его запись было строго запрещено.) Из речи Иосифа Виссарионовича, традиционно насыщенной ленинскими цитатами, следовало, что Германия — основной противник Советского Союза. И среди прочих его реплик на последовавшем приеме была следующая: «Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная»¹.

¹ *Сталин И. В.* Краткая запись выступления на выпуске слушателей академий Красной армии 5 мая 1941 года // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 18. — Тверь: Союз, 2006. С. 213–220.

Сегодня, когда речь заходит про этот самый трагический в истории страны период, всплывает целый ряд новых мифов и, соответственно, появляются исторические передегивания. Прежде всего это бесконечная спекуляция на тему того, к чему на самом деле готовился Сталин. Версия о превентивном ударе, в общем-то, стала привычной. По другой версии, Германия вместе с Советским Союзом собиралась уничтожить Британию. В этой связи даже цитируются письма солдат вермахта, какие-то иные документы.

И здесь нельзя не упомянуть тенденцию, набравшую обороты в последнее время. Речь идет о многочисленных гипотезах, различных новых прочтениях известных фактов, авторских интерпретациях тех или иных событий, с чем мы нередко встречаемся в книгах современных писателей. Все это, конечно, в немалой степени подчинено коммерческому интересу издателей и подогревается постоянной полемикой в Интернете, имеющей мало общего с научной историографической дискуссией. К сожалению, доходит до того, что в восточноевропейских странах некоторые учителя даже начинают выстраивать курс истории XX столетия на основе все того же знаменитого «Ледокола» В. Суворова. То, как представляются в учебниках, да и в СМИ события довоенного периода и самой

Второй мировой войны, действительно является серьезной проблемой.

Однако вновь вернемся к самому страшному для нашей страны дню XX века. Всякий раз, когда мы говорим о 22 июня, буквально первое, что вспоминает современная аудитория, — это паника Сталина. Хотя, конечно, звучат и опровержения: в частности, что никакого шокового состояния у главнокомандующего не было и работал он чуть ли не по 20 часов в сутки. Что же все-таки было на самом деле? Испугался ли великий вождь Советского Союза или действительно трудился как проклятый все эти дни?

Определенная растерянность у главы государства, несомненно, присутствовала, что вполне объяснимо. В пользу этого говорит целый ряд зафиксированных свидетельств. Но известно, что в первую неделю войны Сталин работал весьма напряженно. Судя по воспоминаниям члена Политбюро ЦК ВКП(б) А. И. Микояна, некая тревога появилась у вождя после падения Минска, то есть не 22-го, а 29 июня. Сталин покинул Кремль и переехал на «ближнюю дачу» в Кунцево. Члены Политбюро предложили ему создать Государственный комитет обороны и взять на себя всю ответственность.